

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ АП. ГРИГОРЬЕВА

Не только историки, но и любители литературы знают судьбу Ап. Григорьева. Его не приняли и постарались позабыть. Он превратился в одного из тех "забытых", о которых спустя много лет, после того как их живой голос замолк навсегда, вспоминают в газетах и журналах - в указанные традицией юбилейные сроки. Первое и единственное издание его сочинений, затянутое его другом Страховым в 1876 году, в четырех томах, было обусловлено продажею первого тома. Издержки продажею не были покрыты, первый том не был раскуплен в течение 20 лет - до середины 90-ых годов, когда сочинения Григорьева можно было доставать уже только у букинистов за повышенную цену. Теперь, через полстолетие после смерти, об нем решили, как следует вспомнить. Собрание сочинений теперь издается - но какими-то непостижимыми препятствиями.

Вместо того, чтобы попросту издать настящее полное собрание сочинений великого русского писателя, самобытного и вдохновенного русского человека, - одно издательство - в воздаяние попранной справедливости - выпускает его сочинения, помаленьку, отдельными выпусками - отдельными статьями. За первым выпуском, в который вошла не издававшаяся еще отдельно автобиография, следуют четыре выпуска с пропусками - 3, 5, 7, 10, 13. Почему не вышел 4-ый или 6-й, в которые должны войти перепечатки статей из Страховского первого тома?

Неужели нельзя было, не мудрствуя, без всяких "ученых" комментариев и предисловий, - перепечатать, пока что, этот первый том целиком, если уж до сих пор не подготовлено все собрание?

Для редактирования выходящих выпусков привлечен учитель словесности, автор учебников по русской литературе, небезызвестных, хотя и не блистающих ни особой эрудицией, ни особым вкусом. Учебники - как учебники. Но почему через полвека забвения Ап. Григорьев дождался именно такого редактора, и почему его, едва ли не гениальные, статьи должны издаваться - преимущественно с учебными целями, как это отмечено в предисловии, - ничем необъяснимо. Учебное значение Ап. Григорьева может быть принято с большими оговорками, так же, как и родственного ему Достоевского. Григорьев - вдохновенный ум, но не объективный. В его крайней субъективности, может быть, все его очарование. Он должен стать в нашем сознании - одним из тех, кем создавалась и росла наша литература во всех ее страстиах и порывах, - в той писательской группе, которая определяется особенностями именами Тютчева, Достоевского, Лескова.

Его будут читать и тогда, когда все его волновавшие интересы уйдут безвозвратно в прошлое, когда все его взгляды окажутся превзойденными. Потому что - надо думать - давно уже наступило время относиться к каждому подлинному и большому писателю - изнутри его личности, а не сообразно каким бы то ни было обстоятельствам вне ее, как неосмотрительно смотрит на Григорьева новый редактор его сочинений, ставя себе "узкую и скромную цель" - "дать русской публике, что есть в произведениях Григорьева наиболее

значительного и важного", так как "многое из написанного им имеет в настоящее время только исторический интерес".

Личность Ап. Григорьева - одна из драгоценнейших в нашем умственном развитии, и нужно не сознавать это, чтобы теперь при издании его ставить себе "узкие и скромные цели". Она не только не изучена и не оценена, но просто неизвестна. Полстолетия осталась неизвестна. Нынешний издатель и сейчас не спешит сделать ее достаточно известной. Ее хотят, с помощью учителя словесности, использовать прежде всего с какими-то ограничительными целями. Право, трудно воздержаться здесь от предложения, что все эти цели только личина равнодушия к самой личности писателя, - равнодушия, которым литературная судьба Ап. Григорьева так богата. Так что к старому только прибавилось новое. Обещанное другим издательством отдельное собрание стихотворений Ап. Григорьева, под редакцией Ал. Блока, вызывает заранее гораздо большее сочувствие. Стихи Григорьева могут быть взяты в особом, чисто лирическом интересе, - и кому же их в таком случае и редактировать, как не Блоку, в котором есть, самим им, кажется, давно понятое, внутреннее сродство с Григорьевым. Поэт редактирует поэта. Критик должен был бы редактировать критика. Белинского редактировал Венгеров, - для Ап. Григорьева достаточно порядочного учителя словесности!

Нет! слишком давно пора проникнуться иным отношением к одному из наших величайших писателей. Сочинения Ап. Григорьева должны быть изданы полностью, безо всяких ограничений, извинений и полуизвинений, - безо всяких посторонних целей. Принятая теперь ссылка на военные обстоятельства здесь никого не убедит. Страховский первый том новым издательством все еще не использован.

За изданные с такой робостью пять выпусков, конечно, следует все-таки благодарить. Что и говорить - лучше пять выпусков, чем ничего. И в особенности - за первый: "Мои литературные и нравственные скитальчества", - никому до сих пор неизвестный, кроме историков, увлекательнейший и человеческий, и общественный документ.

Что касается педагогического назначения критических статей Ап. Григорьева, то одну только следовало бы ввести в учебный обиход, - "Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина", как высказавшую о Пушкине впервые то "новое слово", которое впоследствии довел до высшего напряжения Достоевский в знаменитой речи. Но 6-ой выпуск, где обещана эта статья, еще не вышел.

С внешней стороны вышедшие выпуски напоминают прилично изданные учебники.